

ОБ ОБОЗНАЧЕНИИ ВОЗРАСТНЫХ КАТЕГОРИЙ В КУЛЬТУРЕ ОЙРАТОВ И КАЛМЫКОВ*

To the Issue of Denoting Age Categories in the Oirat and Kalmyk Cultures

Э. П. Бакаева (E. Bakaeva)¹

¹доктор исторических наук, зам. директора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D of History, Deputy Director at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: elzabakaeva@yandex.ru.

В статье на основе литературных данных и материалов, собранных автором в ходе экспедиции в Кобдоский аймак Монголии в 2014 г., анализируется терминология, обозначающая возрастные категории в языке калмыков России и ойратов Монголии. Выявляется сходство и различие, отмечается, что специфика лексики, связанной с обозначением возраста, определена комплексом традиционных представлений, определивших «возрастной символизм».

Ключевые слова: калмыки, ойраты Монголии, торгуты, возрастные категории, лексика.

The article deals with the analysis of the terms denoting age categories in the language of Russian Kalmyks and in the language of Mongolian Oirats. It is based on literature data and new field materials collected by the author during the expedition to Kobdo aimag of Mongolia in 2014. The study allows for the identification of similarities and differences between the terms of both cultures. It is noted that a specific characteristic of this terminology is based on a whole range of traditional ideas that make up “age symbolism”. The author notes that in the past century, there were some changes in traditional concepts concerning the process of age stratification in society. It proves the relevance of the fact that the Oirats used to identify the age group of 45–60, which, in the past, belonged to the period of old age (as reflected in the existence of certain terms), but now it is no longer so. The practice of using the same terms with different, sometimes opposite meanings in both Kalmyk and Oirat cultures, allows not only to indicate the archaic words but even to change some words semantically, especially, in terms of social transformations of society. For instance, there is a considerable number of Oirat terms in the Kalmyk language that are used only in high style.

Keywords: Kalmyks, Oirats of Mongolia, Torguts, age categories, lexis.

Традиционные представления о статусе человека в любом обществе прежде всего определялись его возрастом и полом. Соответственно, переход из одной возрастной категории в другую обозначал смену социального статуса. Возрастная терминология и периодизация жизненного цикла в этнической культуре определены представлениями о возрастной стратификации и времени в целом. При этом возрастной символизм включает универсальные и этнически-специфические составляющие. Этнологами выделяются основные элементы, согласно которым дается характеристика возрастных категорий этнической культуры (нормативные критерии возраста, аскриптивные возрастные свойства, или возрастные стереотипы, символизация возрастных

процессов, возрастные обряды и возрастные субкультуры). Под возрастным символизмом в антропологии понимается «система представлений и образов, в которых общество воспринимает, осмысливает и освящает (легитимирует) жизненный путь индивида и возрастную стратификацию» [Кон 1988: 93].

Этапы жизненного цикла — детство (включая младенчество), молодость, зрелый период, старость — в качестве основных выделяются в культуре многих народов, в том числе и в традиционной культуре родственных народов — ойратов Монголии и калмыков России.

Традиционные представления ойратских народов допускают возможность исчисления возраста, что в целом связано с мировоззренческими положениями о конеч-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02898).

ности или бесконечности объектов; точный счет возраста для традиционного общества не был характерен, прибавление лет происходило в канун нового года, при этом при исчислении возраста человека в него включался период внутриутробного развития [см.: Бакаева 2011].

Традиционная система социализации, а соответственно, и система возрастной стратификации, характерная в прошлом для калмыцкого общества, до настоящего времени сохраняется во многом в среде ойратских народов Монголии, что определяет задачу проведения сравнительного анализа терминологии возрастных периодов у ойратов и калмыков. Отметим сразу, что в целом лексика калмыцкого языка и языка ойратских народов Монголии, выражающая половозрастные различия, сходна, однако имеются и отличия.

Э. У. Омакаева отмечает: «Калмыки называют детский и молодой возраст одинаково — *баһ насн*¹. Пора детства охватывала период с рождения до 9–10 лет. Общее название детей у калмыков — *күүкд* (для обозначения ребенка используется слово *үрн*²). *Күүкд* — это еще и девочки, девушки (от *күүкн* «девочка»). Малыша называют *бичкн*, а маленьких детей — *бичкн күүкд*, или *бичкдүд*» [Омакаева 2010: 229]. В детском цикле выделяются этапы в зависимости от возраста ребенка, его физиологии, особенностей психики. В культуре калмыков новорожденных называют *нилх* («только что родившийся», о растениях — «молодой, свежий»), ребенка грудного возраста (первого года жизни) — *көкүл* («грудничок»). Младенец — существо, еще не включенное окончательно в социум, потому в культуре калмыков одежда младенца не имела воротника, являвшегося элементом костюма людей других возрастных категорий³. После младенческого пери-

¹ Здесь и далее по тексту курсивом выделены калмыцкие слова, подчеркиванием — слова из монгольского и ойратского языков. В случаях, если необходимо обозначить произношение ойратского слова, используется написание курсивом с использованием знаков калмыцкого алфавита.

² При этом слово *үрн* обозначает не вообще ребенка, а чье-то дитя.

³ Значение воротника в культуре монгольских народов велико. Так, в прошлом у монголов вдова даже могла ходить в течение года в одежде, с которой срезан воротник, в знак утраты ею мужа.

ода начинается этап *балчр насн*, или раннего детства; в это время мальчиков называют *көвүд*, девочек — *күүкд*. «Когда мальчик достигал трехлетнего возраста (*һунн наста көвүн*), а девочка — двухлетнего возраста (*хө-мөстэ күүкн*), начиналось воспитание ребенка» [Омакаева 2010: 229].

В монгольском языке новорожденного также называют *нялх*⁴ (*нялхас*), соответственно, *нялх бага цаг* — «младенчество; детство». Дети обычно обозначаются термином *хүүхэд*; *бага насны хүүхэд* — «малолетний ребёнок, малолетние дети». Согласно данным, сообщенным нам известным знатоком традиций ойратского населения Монголии, Бэсүд Аюушийн Баасанхүү (1945 г.р.)⁵ [ПМА 1], возрастные категории, характерные для культур разных народов, составляющих население Кобдоского аймака, в целом совпадают. Принято выделять следующие возрастные категории соответственно половому делению: девочек от малолетнего возраста (*бичкнэс авн*) примерно до 10–14 лет называют *охин*⁶, а мальчиков в этом возрасте ойраты называют *хөвүүн*⁷ (калм. *көвүн*), халха-монголы же могут называть последних *банди*⁸, к примеру: *улаа бутарсан хацартай банди* — «краснощёкий парень».

Среди калмыков, отмечает Э. У. Омакаева, собственно детством считался возраст от 4–5 до 9–10 лет, когда ребенок осваивал мир через игры и получал простые трудовые навыки. Примерно в возрасте 4–5 лет (т. е. в абсолютном исчислении в 3–4 года⁹; в на-

⁴ Значение термина *нялх* — 1) новорождённый, недавно родившийся; 2) молодой, юный; свежий; 3) младенческий; 4) неразумный, несмышлёный, непонятливый [БАМРС II: 445].

⁵ Б. А. Баасанхүү, сообщая о своей этнической идентификации (указывая происхождение, или *үндсн*), отмечает, что по отцу он — халха-монгол, мать также халха-монголка, а бабушка по матери — торгутка.

⁶ Охин — 1) дочь; 2) девочка; 3) самка-детёныш [БАМРС II: 499, 500].

⁷ Хөвүүн — 1) мальчик; отрок; сын; 2) слуга [БАМРС IV: 120].

⁸ Банди — 1) послушник (в монастыре), мальчик, отданный в монастырь или в услужение к ламе; 2) первая, низшая степень монашества; послушник, принявший пять первоначальных обетов; 3) мальчик, паренёк; малец, парнишка; хөгжилтэй банди «весёлый малец» [БАМРС I: 224].

⁹ Поскольку в традиционном обществе внутриутробное развитие ребенка засчитывалось за год.

стоящее время данный обряд проводится по достижении года) в прошлом совершалось срезание первородных волос ребенка (за исключением волос на висках), сопровождавшееся одариванием ценными подарками. Обряд проводил дядя по материнской линии. После срезания первородных волос по мере их отрастания девочкам начинали заплетать несколько косичек. Затем следовал возраст отрочества — примерно с 9–10 до 14–15 лет (*үйн наста бачуд*). «В эти годы мальчики обучались борьбе, могли уже ездить верхом на лошади, запрягать ее, пасти лошадей и становились табунщиками. Девочки полностью овладевали навыками ведения домашнего хозяйства. Они уже умели готовить, убирать в доме, поддерживать огонь в очаге, шить и рукодельничать» [Омакаева 2010: 230].

Завершение данного этапа, знаменующего и завершение детства в целом, маркировалось совершением обряда срезания волос на висках (так называемых «утробных» волос, которые до того не срезали) и новой прической, мальчикам начинали сбривать волосы по кругу, оставляя их только на макушке, а девочкам — отращивали косы. Конечно, возрастная символика прически не могла не сказаться в названии возрастной страты: девушек, достигших предбрачного возраста, в традиционной культуре называли *гижгтэ¹ күүкн*, что означало буквально ‘девушка с косой’ (старинная пословица гласит: *гижгтэ күүкн — герин залмжэ* (‘взрослая девушка — правительница дома’)). Как можно понять, коса в данном термине является символом достижения брачного возраста: в XVII – XVIII вв. именно в этот период жизни девушке заплетали одну косу вместо нескольких косичек, которые носили девочки более младшего возраста. Юноша на этом этапе жизни именуется в калмыцком языке так же, как и мальчик — *көвүн*. Таким образом, в возрасте примерно от 14–15 до 20 лет юноши и девушки достигали в калмыцком обществе особого статуса, за которым следовало достижение полной социализации: женитьба — рубеж, который означается понятием «стать человеком» (*күн болх*).

¹ Гижг — 1) затылок; 2) коса [КРС 1977: 142]. Соответственно, следует предположить, что *гижгтэ күүкн* отличается от девочек, которым заплетали множество косичек, косой, которая располагалась за спиной и начиналась на затылке — именно такая коса и была характерна для девушек на выданье.

В целом для обозначения детей монголы и ойраты используют термин *хүүхэд²*, которое производно от слова *хүүхэн* (‘девушка; женщина; дочь; девочка’ [БАМРС IV: 187–188]) и является однокоренным к слову *хүү* (‘сын, мальчик; дитя; отрок; залуу хүү — парень; миний хүү — мой сын’ [БАМРС IV: 186]); калмыки с этой целью используют тот же термин *күүкд³*. Однако в процессе сбора полевых материалов среди торгутов Монголии нами зафиксирован также обычай называния детей словом *көвүд* (монг. *хөвүүн (хөвүүд)* — мальчик; отрок; сын [БАМРС II:118]) [ПМА 3, 4, 6]. Так, в рассказе информанта Д. Муужи [ПМА 3] зафиксированы сведения о ее 9 детях, которых мать называет *йисн көвүд (есөн хөвүүд)*, хотя среди них есть *хурвн окн (гурван охин)* — т.е. три дочери⁴. Информант М. Ядамсүрэн отмечал, что среди его пяти взрослых детей (*тавн көвүдэс*) одна — дочь (*окн*), четверо — сыновья (*залучуд*) [ПМА 6]. По свидетельству Ж. Буяндалая, отца 10 детей, «*хойр үрн хархла — нег үрлэ эдл, хурвн үрн хархла — хойр көвүд болжана, олн көвүд болхла — эмтн жүрһнэ*» (‘если родятся два ребенка — все равно, что один ребенок, если родятся трое детей — все равно, что двое детей, если много детей — люди [родители] счастливы’) [ПМА 2]. Таким образом, в лексиконе торгутов Монголии термин *көвүд* синонимичен термину *үрдүд* (‘дети’), что является особенностью речи данной этнической группы и, вероятно, отражает специфику патрилинейного счета родства.

Что касается возрастной категории девочек после 10–14 лет и до замужества (примерно до 21–22 лет), то их ойраты Монголии называют *севгр (сэвгэр — I. 1)* развевающийся; *сэвгэр үс* распущенные волосы; 2) лёгкий, воздушный; II. 1) волосы младенца; 2) девушка [БАМРС IV: 143]; ойрат. севгер — распущенные, незаплетенные волосы девочки [Тодаева 2001: 291]), и данная традиция типологически связана с обычаем на-

² Хүүхэд — 1. дети, ребята; дитя, ребёнок; бага насны хүүхэд малолетний ребёнок, малолетние дети [БАМРС IV: 187].

³ Слово имеет 3 основных значения — дети, детвора; ребенок; девочка, девушка [КРС 1977: 329].

⁴ Интересно, что все дети Д. Муужи носят имена, включающие компонент «бат» (крепкий) с символикой благопожелания: Батхуяг, Батсүх, Батэрдэни, Батсайхан, Батолзий, Батчимэг, Батболд, Батбелг, Баттогтох.

звания калмыками девушек этого возраста *гижгтэ куукн* либо *севгр куукн*. Халха-монголы же, по утверждению Б. А. Баасанхүү [ПМА 1], употребляют термин *хүүхэн*. В этой связи отметим: по данным Ж. Буяндалая, торгутское слово *кукаан*¹ (калм. *куукн*) соответствует в языке халха-монголов слову *хүүхээ* [Буяндалай 2006: 8], торгутское *сэвгэр* (*севгр*) — монгольскому *хүүхэн* [Буяндалай 2006: 11]. Таким образом, обозначения девушки предбрачного возраста в культуре ойратов, калмыков и монголов типологически взаимосвязаны, они объединяются возрастной символикой (в виде косы, которую заплетали вместо множества косичек младших девочек), маркировавшей в культуре ойратов и калмыков этап готовности девушки к замужеству. Однако в языке калмыков сохранилось в качестве редко употребляемого слово высокого стиля *окн*, обозначающего деву, девушку, в переносном смысле — целомудренную деву [КРС 1977: 394]. Следует отметить, что в культуре ойратов и монголов так (*охин*) называют девочек до наступления подросткового возраста (не достигших периода полового созревания), что, вероятно, отразилось в символике термина.

14–18 летних парнишек, по свидетельству Б. А. Баасанхүү, ойраты называют *гэрлээд* (*герлуд*). Указанное слово отсутствует как в «Большом академическом монгольско-русском словаре» [БАМРС 2001–2002], так и в небольшом словарики торгутских слов, составленном Ж. Буяндалаем [2006]. В монгольском языке слово *гэрлэх* означает '1. жениться, вступать в брак; *гэр гэрлэх* жениться; 2. женитьба, супружество, брак' [БАМРС I: 467]. Вероятно, происхождение термина *герлуд* связано с понятием «готовый к супруеству, к браку». Так, у калмыков до начала XX в. распространенным брачным возрастом невесты являлся возраст 14–16 лет, а юноши вступали в брак примерно в 16–18 лет [Шараева 2010: 249]. Достижение подросткового возраста в традиционном калмыцком обществе калмыков означало приближение брачного периода (по своду законов «Ик цааджи» (1640 г.) разрешалось вступать в брак с 14 лет); сватовство начинали после достижения девушкой примерно 15 лет, что позволяло завершить свадебные обряды к 17 годам. Как отмечал

¹ Кукаан — написание в соответствии с правилами монгольского языка ойратского слова, произносимого так же, как и калмыцкое *куукн*.

в конце XIX в. И. А. Житецкий [1893: 19], браки заключали обычно по достижении половой зрелости, девушки — по достижении 15 лет, юноши — 18 лет [см.: Бакаева 2011]².

Лица мужского пола в возрасте от 18 лет и примерно до 40 лет, т.е. находящиеся в молодой поре и достигающие зрелости, у ойратов Монголии называются *залуучууд*. Данный термин происходит от слова *залуу*, означающего в монгольском языке 'юноша, молодец; юный, молодой, младой; зелёный; безусый; юность, молодость' (*залуу болгох* — 'омолаживать'; *залуу болох* — 'молодеть, омолаживаться'; *залуу нас* — 'юный возраст'; 'юность, молодость') [БАМРС II: 203]. Данное значение отражено в калмыцком выражении *көвүн залурв* 'мальчик возмужал' [КРС 1977: 239]. В калмыцком языке сохранилось выражение *залуу насн* — 'юность, молодость', однако указанный термин в культуре калмыков прежде всего стал обозначать мужчину, мужа, супруга³ и зачастую употребляется в значении «лицо мужского пола» (*залуу кун*, буквально 'мужчина+человек'; лицо женского пола обозначается типично — *куукд кун*, буквально 'девочки+человек').

Обретение семьи символически означало переход в следующую возрастную

² Выделение возрастной категории лиц предбрачного периода в культуре калмыков и ойратов выражалось отличиями в costume. Так, одежда девушки-калмычки имела сходство в отдельных деталях с мужским костюмом (крой рукава, название костюма), обязательным элементом девичьей одежды, как и мужской, являлся пояс. При этом девушкам полагалось носить серьгу в правом ухе, кольца на мизинцах. В отличие от девушек, мужчины носили серьгу в левом ухе, кольцо на безымянном пальце левой руки, с левой стороны на поясе — нож в ножнах (в отличие от монголов, которые носили нож справа). Девушкам не позволялось находиться в женской части кибитки, хотя они и занимались домашним хозяйством. Ойратские *севгр* носили дээл, отличавшиеся отдельными деталями [Амгалан 2008]. Атрибутами перехода в категорию замужних женщин среди ойратов и калмыков являлись: ношение особого костюма, включавшего два платья, отсутствие в одежде пояса, заплетание двух кос, их заключение в специальные матерчатые чехлы, ношение серег в обоих ушах и колец на обеих руках.

³ Залу — 1) мужчина; 2) супруг; 3) юность, молодость [КРС 1977: 238].

категорию, обозначаемую калмыками термином *залу* ('мужчина, молодой мужчина, супруг'). При этом, как отмечалось, заключение брака символически означало «стать человеком», что в культуре калмыков буквально обозначалось выражением *күн болв* ('стал человеком'). Девушка, вышедшая замуж, в калмыцком языке именуется терминами *бер* ('невестка'), *гергн* ('жена'), *баавһа* (простореч. 'замужняя женщина').

Ойраты Монголии именуют женщин в возрасте примерно от 21–22 лет (от замужества) до 45 лет термином *эхнэр* ('жена, замужняя женщина' [БАМРС IV: 439]). Данное слово, несомненно, восходит к возрастной символике материнства и деторождения, поскольку им обозначается возраст от замужества до завершения детородного периода, и к названию матери в монгольских языках (*эк* — '1) мать; 2) матка (у животных); редко в сочет. *эк орн-нутг* — родина, отечество, отчизна' [КРС 1977: 693]). Женщины в этом возрастном статусе калмыками называются *бер* ('невестка, молодая замужняя женщина') или *гергн*, этимология второго слова, вероятно, связана со статусом хозяйки дома и происходит от слова *гер/гэр*, означающего 'дом'. Типологически сходным является ойратский термин *гэрлээд* (*герлүд*), которым называют юношей предбрачного возраста.

Возраст зрелости наступает у женщин после окончания детородного периода, примерно после 45 лет и до 60 лет. В этот период уважаемых, окруженных почетом женщин ойраты называют *авгай*. Семантика слова раскрывается в следующих значениях: «1) пожилая женщина; матушка; 2) хозяйка дома; 3) жена; замужняя женщина; *авгай болох* а) выйти замуж, б) надевать одежду замужней женщины; в) до седых волос дожить (о женщине)» [БАМРС I: 20–21]. От слова *авгай* образован глагол *авгайлах* со значениями «1) обращаться к кому-л., прибавляя к его имени слово 'авгай' (т.е. 'сударь'); почтительно обращаться к кому-л.; 2) называть другими именами (почтительно обращаться к родным и близким, называя другими именами; 3) вы (обращаться на 'вы')» [БАМРС I: 20–21]. После 60 лет лиц женского пола ойраты называют *самһн*¹

¹ Самган — 1) жена; 2) старуха; женщина [БАМРС III: 80]. У калмыков слово *самһн* также означает старую женщину, старуху; *эмгн-самһн* — парн. 'старуха'. Вероятно, значение данного слова связано с понятием *самһаһар бээх* — 'жить беспечно'.

(монг. *самган*), а халха-монголы — *чавганц*² [ПМА 1]. Пожилые монголки, называемые *чавганц*, коротко стригут волосы, что соответствует принятию первоначальных обетов и принятию сана послушницы. В среде ойратов же, по утверждению Б.А.Баасанхүү, такой обычай не принят [ПМА 1].

В среде калмыков женщин в возрасте после 40–45 лет почтительно именовали *бергн* (ср. *бергн* — 'жена старшего брата, старшая невестка; сноха; *ах бергн* жена старшего брата отца'). Кроме того, к старшим родственницам калмыки могли обратиться *аак*³, в диалектной речи также были приняты слова-эвфемизмы, с которыми обращались к старшим родственницам (к примеру, *ажжа*, *жеежэ*, *жаажжа* и др.). Однако в целом завершение детородного возраста в традиционном обществе означало и окончание периода зрелости, что символически приравнивались к переходу в разряд стариков (калм. *эмгн* — старуха, *ээж* — бабушка; *өвгн* — старик, *аав* — дед⁴). Достижение старческого возраста означало в традиционном обществе появление поколения внуков, что происходило примерно в возрасте после 40 лет. Необходимо отметить, что возрастная символика в предметах материальной культуры (прежде всего в костюме) проявлялась в переходе к иному типу одежды. Так, мужчина-калмык после наступления возраста 40 лет мог передать сыну свой пояс и другие предметы, соответственно, основной одеждой для него становился распашной свободный халат *лавшг*. Пожилая женщина-калмычка также зачастую уже не носила *цегдг*, а надевала платье *берз*, халат *лавшг* и т.п.

Большой 60-летний цикл в лунно-солнечном календаре считался мерилем человеческого века, соответственно, превышение данного возраста являлось показателем долгожительства. Семьдесят лет — человеческий возраст, достижение которого в тра-

² Чавганц — 1) монахиня; монашка, монашенка; послушница; женщина, принявшая обет безбрачия; старая остриженная женщина, посвятившая себя религии; 2) старуха [БАМРС IV: 299].

³ При этом у калмыков-дербетов *аак* означало обращение к матери или к старшей родственнице; у калмыков-торгутов — обращение к отцу или к старшему брату.

⁴ В культуре ойратов Монголии сохраняется более архаичное именование словом *ээж* матери, словом *аав* — отца.

диционном ойратском и калмыцком обществе считалось удачей (с этим связан калмыцкий обычай дарить монету *далн мөңгн* – 20 коп. [Бакаева 2009]).

Необходимо отметить, что изложенные материалы по обозначению возрастных категорий в культуре ойратов, в целом соответствующие традиционным представлениям, в изложении разных информантов могут варьироваться. К примеру, информант Чойдрын Батаа [ПМА 5] считает, что среди ойратов приняты следующие обозначения возраста: до года — *нялх* (новожденный), затем до 10–12 лет девочку называют *охин*, мальчика — *хөвүүн*. С 13–14 лет до примерно 16 лет девушка называется *сэвгэр*, а парень — по-прежнему *хөвүүн*, в возрасте 16–25 лет молодых женщин именуют *хүүхэн*, молодых мужчин — *залуу*. Замужних женщин в возрасте от 25 лет могут называть *эхнэр*, *бэр*, *бэргэн*, мужчин от 16 до 25 лет — *залуу*. Затем в возрасте 35–45 лет женщин называют *авгай*, мужчин — все еще *залуу*. После 45 лет мужчина считается *хөгшин* (что обозначает его старение), а женщина, соответственно, *самган*. Таким образом, детей от 1 до 16 лет можно назвать, соответственно, *охидууд* и *хөвүүд*, а девушек и молодых мужчин в возрасте 16–25 лет — *сэвгэр* и *залуучууд* [ПМА 5]. Как видно, в целом данные о возрастных категориях совпадают, но выделен особый этап у девушек от 16 до 25 лет, называемых *хүүхэн*, хотя, по данным А. Баасанхүү [ПМА 1], этот термин является халхаским вариантом термина *сэвгэр*. Кроме того, в варианте Ч. Батаа — ламы, в роду которого были и шаманы, сохраняется ныне уже пересматриваемое в обществе традиционное представление о том, что лица старше 45 лет являются стариками.

Понятие возраста в традиционной культуре калмыков и ойратов также было связано с понятием поколений *үй*¹, которые составляли род (общность *төрл*, происходящую от одного предка). С другой стороны, поколенная структура была взаимосвязана с системой счета по циклам (люди года барса, года дракона, и т.д.), что обеспечивало иерархическую структуру возрастного состава общества.

Анализ терминологии, обозначающей возрастные категории в культуре ойрат-

¹ Слово *үй* в калмыцком языке произносится как [үйе], что соответствует монгольскому *үе*.

ских народов Монголии и калмыков, показывает, что за последнее столетие произошли некоторые изменения в традиционных представлениях. Прежде всего это видно в четком обозначении возрастной категории от 45 до 60 лет, которая в прошлом относилась к периоду старости, а ныне воспринимается как почтенный возраст в культуре ойратов, которые во многом сохранили древние компоненты культуры. Кроме того, возрастная символика имеет специфику у ойратов и калмыков. Так, в терминологии, связанной с взрослением девушки, у калмыков за общемонгольским словом *окн*, семантически связанным с архаичными представлениями о возрасте девочки, не достигшей полового созревания, закрепилось высокое значение ‘дева’. Такие же изменения наблюдаются в общеойратских терминах *ээж* (мать) и *аав* (отец), которые в культуре калмыков в этом смысле употребляются лишь в архаических памятниках фольклора; таким образом, *ээж/аав* как обозначение родителей употребляется ныне только в высоком смысле, поскольку в современном калмыцком языке эти термины уже относятся к маркировке поколения стариков (деда и бабушки).

Примечательным в терминологии детского цикла является смена терминов *күүд* и *көвүд*, которым обозначают детей ойраты и калмыки. Особое употребление ойратами-торгутами термина *көвүд* в значении «дети», на наш взгляд, находит отражение и в обрядовой культуре данной этнической группы, где также происходит смена ролей. По нашему мнению, понятие *хуухэд* (*күүд*) в смысле ‘девочки’ включается в понятие *хуухэд* (*күүд*) ‘дети’, и это отражается в том, что оба понятия обозначаются одним термином. Обозначение же детей термином *хөвүүд* (*көвүд*) — более конкретное, обозначающее мальчиков. Встречающееся же в языке торгутов Монголии именование всех детей как *көвүд* отражает благожелательную символику — ведь статус семьи, имеющей сыновей, был высок, а невестка, родившая не менее трех сыновей, получала статус *дархан бер* [ПМА 2], обеспечивавший ей особое почитание родственниками.

Обратим внимание и на другие термины. Ойратский термин *залуу*, обозначающий молодого мужчину, в калмыцком языке получил более широкое значение — мужчина, муж, *залуу кун* — лицо мужско-

го пола. Согласно данным Ж. Буяндалая, торгуты Монголии отца называют *аак*¹, а мать — *адиа* (*эдэ*) [Буяндалай 2006: 3]. По утверждению Б. А. Баасанхүү, ойраты-мянгаты говорят об отце *адиа*, о матери — *авиа* (*эвэ*) [ПМА 1].

Анализируя материалы по ойратской культуре, невозможно не обратить внимание на типологически сходные представления в культуре народов, расселенных на смежных территориях, — речь идет прежде всего о тувинцах. М. Б. Кенин-Лопсан отмечает, что в культуре тувинцев выделяются 7 основных возрастных категорий: младенчество (до 3 лет), возраст до подросткового (от 3 до 15 лет), молодой возраст (от 16 до 29 лет), средний возраст (от 30 до 45 лет), зрелый возраст (от 46 лет до 61 года), пожилой возраст (от 61 до 81 года) и возраст дряхления (после 81 года). С каждым возрастным периодом определенным образом связаны обязанности и функции человека, а «за всеми семью возрастами человека вечно наблюдает созвездие Большой Медведицы и охраняет людей» [Кенин-Лопсан 2006: 5]. Следует отметить, что в тувинской культуре выделяются те же основные периоды, что и в культуре ойратов и калмыков, исключение составляет выделение отдельно в детском цикле младенческого периода, разделение возрастного периода от 16 до 45 лет на два этапа, наконец, выделение возраста старения и дряхления. Кроме того, в культуре тувинцев бытует общее с монгольским понятие *үе* (поколение), которое «понимается как промежуток времени в 12 лет (по традиционному представлению монголов, люди не старше 12 лет принадлежат к одному поколению)» [Кудияров 1997: 537].

Представленные материалы свидетельствуют о том, что в культуре родственных народов претерпели трансформацию отдельные традиционные представления о возрастной стратификации, отразившиеся в возрастном символизме.

Полевые материалы автора (Монголия, 2014 г.)

1. Информант Бэсуд Аюушийн Баасанхүү, 1945 г.р., халх, бэсуд овогта, г. Кобдо (Ховд) Кобдоского аймака.

¹ Среди калмыков-торгутов термин *аак* тоже относится к обозначению отца, а также старшего брата [КРС 1977: 18]. Уважительным и почти-тительным обращением к отцу, дяде или старшему брату является форма *дээдэ* [КРС 1977: 187].

2. Информант Жумбайн Буяндалай, 1940 г.р., торгут, вангихн, борлуд элкта (овогта), сомон Булган Кобдоского аймака.
3. Информант Дугээр Муужа, 1937 г.р., торгутка, вангихн, хонгорачн элкта (овогта), сомон Булган Кобдоского аймака.
4. Информант Тувшинбаяр, 1937 г.р., торгутка, бэйлихн, бээвн элкта (овогта), сомон Булган Кобдоского аймака.
5. Информант Чойдрин Багаа, 1969 г.р., урянхаец, сомон Булган Кобдоского аймака.
6. Информант М. Ядамсурэн, 1937 г.р., торгут, бэйлихн, сомон Булган Кобдоского аймака.

Литература

- Амгалан М. Баруун Монголчуудын эдийн соёлын дурсгалт зүйлс. Улаанбаатар: МонСудар хэвлэлийн газар, 2008. 212 т.
- Бакаева Э. П. Возрастные категории и символика в традиционной культуре калмыков // Взаимодействие культур народов Прикаспия. Мат-лы Регион. науч. конф., посвящ. 100-летию У. Э. Эрдниева (Элиста, 17–18 февраля 2011 г.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2011. С. 39–42.
- Бакаева Э. П. «Двадцать копеек — это семьдесят денег» // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 13–16.
- [БАМРС] Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 томах. / ред. Лувсандэндэв А., Пюрбеев Г. Ц., Цэдэндамба Ц. М.: Наука, 2001–2002. Т.1. 468 с. Т.2. 501 с. Т.3. 468 с. Т.4. 471 с.
- Буяндалай Ж. Торгууд аялгуун толь бичиг. Улаанбаатар: Зэвсэгт хүчний 284-р ангид хэвлэв, 1996. 17 т.
- Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. Волчанинова, 1893. 73 с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2006. 232 с.
- Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Наука, 1988. 270 с.
- Кудияров А. В. Комментарии к переводу // Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12). С. 534–558.
- Омакаева Э. У. Родильный обряд и ритуалы детского цикла // Калмыки. (Серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2010. С. 229–249.
- Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- Шараева Т. И. Свадебная обрядность // Калмыки. (Серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2010. С. 249–270.